

ДМИТРИЙ МЕЗЕНЦЕВ, СЫН ФРОНТОВИКА

ТАСС

ИВАН ЖДАНОВИЧ

На вопросы журнала накануне празднования 75-й годовщины Великой Победы отвечал Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Беларуси

Скажем сразу: еще не приходилось нам как журналистам в таком формате беседовать. На встречу с Дмитрием Мезенцевым ехали ближе к вечеру. Приближаясь к Посольству, шутили: видимо, без ужина останемся, так как приучаем себя не есть после 18.00.

Дезинфицируем руки. Замеряем температуру. Все нормально! Поднимаемся по ступенькам и идем в небольшой уютный зальчик со стеклянной крышей-фонарем. Удивляемся, потому как оказываемся не в рабочем кабинете господина Посла. В центре зала белеет круглый стол (метра три в диаметре), сервированный для обеда.

Дмитрий Федорович встречает нас радушно, и мы осваиваемся в приятной обстановке довольно быстро, отдавая дань уважения российско-посольскому хлебосольству. И как-то сразу комфортно завязывается разговор. Как только Иван заговорил об учебе в Питере и жизни в студгородке по Ново-Измайловскому проспекту, 16/1, на углу с Кузнецовской, Посол заулыбался. Оказалось, лет пять они были соседями: семья нашего собеседника жила у того же Парка Авиаторов! «А самолет помните?...» — «Ну конечно!..» Отец, Федор Дмитриевич, как-то в детстве спасал из самолета, еще не установленного на постамент, любопытных второклассников — Диму и его друга. Влезли в кабину, прикрыли фонарь, он и захлопнулся... И в течение трех часов мальчишки были в «самолетном плену», не имея никакой возможности выбраться

из МИГ-пятнадцатого, что еще считанные месяцы назад был боевой машиной в одном из полков Ленинградского военного округа. А папа, фронтовик, военный журналист, начинавший службу в военно-железнодорожных войсках, с задачей быстро справился, вызволив пацанов из самолетного плена.

Как известно, такие моменты жизни, общие знакомые располагают людей друг к другу. Ко времени подачи чая и кофе к нашей душевной беседе присоединилась Евгения, супруга Дмитрия Федоровича, которая привнесла добрые мотивы в канву разговора. Мы, конечно, заметили, как приятно было господину Послу представить свой надежный тыл, ведь роль его супруги в Минске не ограничивается родственными связями. Евгения Фролова — профессор, более двадцати лет осуществляет преподавательскую деятельность, долго работала в Центральном банке Российской Федерации, а в Минске стала научным руководителем-консультантом одной из кафедр юридического факультета БГУ. О своей работе пообещала нам рассказать для журнала. Повела и о своей книге «Финансовые сказки для детей». В издательстве «Мастацкая літаратура» она выйдет к Международному дню защиты детей — 1 июня — на белорусском языке. Листали мы красочный пилотный экземпляр. Сказки такие, конечно же, помогут детям не повторять ошибок Буратино в Стране Дураков.

Оживление за столом возросло, когда Евгения призналась: ее прадед Илья Савич Галкин — историк, ректор Московского

госуниверситета в 1943–47 годах — был выходцем из Беларуси. Мы прочитали в книге, посвященной истории МГУ, что родился он в Гродненской области, деревне Панасюки. Потом уточнили: эта деревня нынче, видимо, в Каменецком районе Брестчины, вблизи Каменюк. Областная газета «Заря» публиковала об Илье Савиче статью «Ректор из Панасюков» (<https://pruzhany.net/2118-rektor-iz-panasyukov.html>). В ней говорится, что земляк наш был родом из Пружанского уезда. Так что и для газеты «Голас Радзімы» коренная москвичка Евгения, имеющая белорусские родовые корни, будет интересна. У Дмитрия Федоровича, если хорошо поискать, думаем, тоже обнаружатся белорусы в роду, ведь мама его из семьи Журавских-Степановых. О нем белорусские исследователи пишут: «Шматлікая ашмянская шляхта». К тому же года три в 30-е годы Вера Михайловна жила с родителями в Минске. И сам господин Посол заметил: «Если моя мать с отцом и матерью, моей бабушкой, прожили здесь почти три года, то, думаю, часть белорусской культуры она в себя впитала».

А сколько добрых слов сказал благодарный сын в память о своем отце, фронтовике Федоре Дмитриевиче Мезенцеве! Оказалось, кстати, что отец родом из-под Курска, участвовал в освобождении Прибалтики — как и мой отец-украинец с Харьковщины. Он, Михаил Черкашин, был военным музыкантом, а потом и связистом, к тому же участвовал в знаменитой битве под Сталинградом, получил благодарность Главнокомандующего, хранимую в нашем семейном архиве. В общем, мы, представители трех братских народов, прекрасно чувствовали себя за общим столом. Говорили о значении русского языка, и о нашей прекрасной Беларуси говорили. По словам Дмитрия Федоровича — стране аккуратной, чистой, которая дает ощущение надежного, доброго и радушного дома. «Мы, — признался, — ехали год назад сюда с Женей именно с таким ощущением. И вот теперь сами в этом убедились.»

В такой свободной, дружественной атмосфере проговорили мы около двух часов. И наконец я осмелилась уточнить: «Дмитрий Федорович, а когда же мы пойдем по вопросам, которые попробовали сформулировать в резонансе с тезисами-афоризмами, полагая, что и ответы Ваши будут строиться в «силовом поле» этих крылатых выражений?»

Все рассмеялись, так как казалось, что можно бы уже и завершать беседу: материал для статьи набирался. Дмитрий Федорович признался, что не очень-то любит смотреть вопросы заранее, дабы не быть скучным для гостей-журналистов. Дескать, предпочитает импровизацию в разговоре. Мы, конечно же, с ним согласились. А я про себя все же подумала: нет лучшей импровизации, чем хорошая подготовленность. И пошли по вопросам.

«Выбирайте работу, которую любите, и Вы никогда не будете работать».

Конфуций

— Дмитрий Федорович, так ли у Вас по жизни складывается? Всегда ли работа в радость? А она ведь была разной, и Ваш послужной список впечатляет. И железнодорожное дело знаете, окончив Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, и как организатор себя проявили. Пост губернатора Иркутской области у Вас за плечами. Вы председатель комитета, вице-спикер российского Сената, Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества. Вы еще и кандидат психоло-

гических наук, профессор, завкафедрой политической психологии в Санкт-Петербургском госуниверситете...

— Всегда старался в любом объеме заботы искать, безусловно, радость. И получать удовлетворение от того, что делал. Полагаю, возможно, многое удавалось. А если говорить о назначении, которое я получил год назад, 30 апреля 2019 года — в соответствии с Указом Президента России Владимира Владимировича Путина, то со своей стороны расцениваю это как большое доверие и большую ответственность. И в должности Посла вместе с профессиональным коллективом Посольства я должен сделать все возможное, чтобы связи двух государств и двух народов были еще более прочными.

— Как Вы выбирали свою профессию, чем руководствовались? Может, мама или отец на что-то обращали Ваше внимание еще в детстве?

— Мама в 1947-м поступила в мединститут в Смоленске. Там замуж вышла, и брат там появился на свет. Бабушка моя родная, Вера Ефимовна Степанова, родилась в Варшаве, а ее семья в 1916-м переехала в Смоленск. Первая мировая война затягивалась, и они как граждане Российской империи поднялись из Варшавы и перебрались в этот древний город.

— А девичья фамилия Вашей мамы?

— Журавская.

— Вполне белорусская... (сеемся). А мама как медик работала?

— Нет. Была женой офицера. Родился мой брат Саша, и через 10 лет я. Потом родители жили в разные годы еще в Германии, после — в Венгрии: отец был военным журналистом, его направляли на службу туда в редакции газет, на радиостанцию. Мама работала в школе при Посольстве СССР в Будапеште. Помню хорошо: когда занятия заканчивались, после последнего звонка все женщины-учителя школы собирались в кабинете домоводства, оборудованном тогда самыми современными швейными машинками, столами для раскройки тканей, где была огромная коллекция журналов мод. Кто-то вязал, кто-то шил для дома. Это был такой альтернативный педсовет. И я точно знал: если нахулиганю на уроках до 12.40, то в 14.10 это уже будет известно маме, и меня ждет взбучка! (сеемся). Так что я вынужден был этого избегать. Еще, это к вопросу о выборе профессии, знаю, что мой дед, Михаил Терентьевич Журавский, окончил Московский институт инженеров транспорта и в 1930-х работал в Минске

Федор Мезенцев, фронтовой корреспондент. 1948 г.

на Беларускай чыгунке. Мне раскажывала мама о двухэтажных домах в городке за вокзалом. Говорят, некоторые из них еще сохранились: у депо, за мощным красным забором. Там жили комсостав и ИТР Белорусской железной дороги. Мы как-то специально ездили знакомиться с этим местом...

— **Так что Минск закономерен в Вашей жизни...**

— А как тут поймешь? Я когда сюда получил назначение — мне мама говорит: как приедешь на место — иди поищи, где растут три дерева из одного корня. Она помнит, как маленькая подходила к тому двухэтажному дому в городке железнодорожников и все время смотрела: не свалится ли на него дерево. Маме теперь 92 года, а воспоминания детства у нее такие яркие! Мне так хотелось, чтобы она приехала в Минск к 8 марта и вместе мы туда бы сходили. Но, увы, коронавирус помешал.

«Если не сейчас, то когда? Если не ты, то кто?»

Робин Шарма, канадский писатель

— **Как сложилось, что и журналистике нашлось место в Вашей жизни? Интернет подсказывает: в 1984–90 годах Дмитрий Мезенцев служит офицером в армии, а также сотрудником армейской печати. А с января 1988-го Вы — член Союза журналистов СССР. Позже как член Совета Федерации Федерального Собрания России — верхней палаты Парламента курировали вопросы законодательного обеспечения информационной политики страны, так и экономические вопросы. Стал ли опыт отца примером при выборе пути в журналистику?**

— Пример отца привел меня не только в журналистику, ведь после школы я «за ним» пошел в железнодорожники, а уж потом и в журналистику. В 1981 году окончил ЛИИЖТ по специальности «электрификация железных дорог». Первая запись в трудовой книжке — мастер цеха Ленинград-Балтийского локомотивного депо Октябрьской железной дороги. Позже был избран секретарем узлового комитета комсомола — тогда в нашей первичной организации состояло на учете больше 1000 комсомольцев. Потом был Ленинский райком, Ленинградский горком... Затем, прежде всего по примеру отца, по моей инициативе был призван из запаса лейтенантом в железнодорожные войска. Через два года службы доложил командирам, что готов оставаться на 25 лет, но только с переводом в армейскую печать. Кстати, мой брат Александр более 20 лет прослужил офицером на космодроме Байконур, стал генерал-майором, а с 2002 года почти 12 лет был уже мэром этого города — космической гавани страны.

— **Расскажите об отце, который, как мы поняли, для Вас пример...**

— Отец очень любил журналистику, не видел в жизни для себя никакой другой судьбы. Когда я два года отслужил, то себе сказал: если оставаться в армии на четверть века, то только в армейской печати. Мне говорят: нет журналистского образования. Но у меня ж был двухгодичный Университет рабкоров, под эгидой Ленгосуниверситета, факультета журналистики. Я его и закончил. Учились там те, кто, работая на производстве, пробовали писать в газеты. И я учился работая в депо. Кстати, и прадед мой Степанов, отец бабушки, тоже был железнодорожником: начальником поезда Варшава — Москва. И отец во время войны окончил училище железнодорожных войск и военных сообщений. В 40-м был

призван в 70-й отдельный путевой батальон, который тогда базировался на станции Камень — Рыболов. («А война для рядового Железнодорожных войск Федора Мезенцева началась в городе Артем Приморского края». Это строчка из статьи «Война и мир полковника Мезенцева», которую мы нашли в интернете. Статья вышла в газете «Гудок» 15 февраля 2006 года, а накануне ветерану исполнилось 84. — **Авт.**)

К 85-летию отца мы собрали — благодаря поручению командующего Железнодорожными войсками страны генерал-полковника Г.И. Когатько — личное дело полковника Мезенцева. Я такую сохранность документов, находящихся в архиве Министерства обороны России, и представить не мог. Там есть анкета отца-красноармейца, заполненная его рукой еще в 1940 году! На вопрос, какой профессией владели до призыва в Красную армию, он отвечает: художник. Потому как окончил перед призывом в Сталинграде художественное училище. В личном его деле есть даже билеты, которые он тянул на выпускных госэкзаменах, завершая 4-летнее очное обучение

ПОСОЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Дмитрий Мезенцев с военными аташе после торжественной церемонии возложения цветов к монументу Победы в Минске 9 мая

на редакторском факультете Военно-политической академии в Москве. Выпускалось тогда по 15–17 журналистов в год, отец получил назначение в Ленинградский военный округ в 1956-м. А потом служил в Потсдаме — уже с семьей: женой и сыном. Там была редакция газеты «Советская армия». После офицер Мезенцев служил на радиостанции «Волга» в Группе советских войск в Германии. Есть у нас дома книга с учений в ГСВГ, в ней снимок отца с маршалом Советского Союза С.С. Бирюзовым. В 1971-м отец служил в Южной группе войск, в газете «Ленинское знамя». А потом вся семья вновь вернулась в Ленинград.

«Я ни о чём не жалею в своей жизни — даже о вещах, через которые меня заставил пройти мой отец. Это сделало меня тем человеком, которым я являюсь сегодня».

Кристина Агилера, американская певица

— **Как известно, у певицы с отцом отношения были сложными. А приходилось ли Вам соглашаться с отцом даже тогда, когда Вам это не нравилось, вступать с ним в дискуссии, убеждать в том, что казалось правильным Вам? Оказывался ли прав Ваш отец? Повлияли ли его рассказы о войне на формирование Вашего характера? И как в Вашей семье отмечается День Победы?**

— Многократно приходилось вести с отцом дискуссии. Они, прежде всего, касались роли коммунистической партии, роли гражданина и возможности для обычного человека поступать по своей воле — в рамках существующей советской системы. Это были скорее не политические, но мировоззренческие, философские споры. Когда я пришел в армию, мне было 25 лет. И мы, конечно, с отцом обсуждали часто и армейский быт, и офицерскую службу. Сам отец очень разумно, взвешенно оценивал действительность, но коммунистические принципы отстаивал жестко и последовательно. Здесь *(показывает)*, на снимке 1948 года, он — замредактора газеты «Во славу Родины». Кстати, первый материал отца в окружной газете в Ленинграде после выпуска из Академии был посвящен тому, как опираются на традиции фронтовиков и современные методы боевой учебы в батальоне, где командиром офицер Д. Т. Язов. Это в 56-м, они оба тогда майорами были. А когда уже я встречался с Маршалом Советского Союза Д. Т. Язовым в 2000-е, он спрашивал об отце — как здоровье, как семья, и хорошо

В день передачи капсулы с землей из мест боев под Ржевом Храму-памятнику в честь Всех Святых во время визита спикера Совета Федерации Федерального собрания России Валентины Матвиенко. На снимке: Дмитрий Мезенцев, Валентина Матвиенко (в центре), председатель Совета Республики Наталья Кочанова, Митрополит Минский и Заславский Павел, Патриарший Экзарх всея Беларуси.

помню, что получив сигнальный экземпляр своей книги, без раздумий, написав теплые слова пожеланий, передал ее отцу. Маршала не стало в этом году 25 февраля.

У отца был завидный темперамент. И фантастическое владение русским языком. Он вообще не делал грамматических ошибок, имею в виду в газете. А когда подтрунивал над мамой, то коверкал слова нарочито. Мать, улыбаясь, говорила: «Фёдор, нет такого слова!» А он отвечал с улыбкой: «Есть». Он по-особому чувствовал людей, всегда с интересом брал интервью, любил этот журналистский жанр. Он понимал, чувствовал, что у них в душе, как они живут, какова мотивация их слов и поступков. Все это умел отметить, описать. Окружная газета, как и вся советская печать, «существовала» в рамках цензуры.

— **И самоцензуры...**

— Да-да. И вот в тех условиях нужно было найти нужный формат разговора с читателем. Чтоб и себя выразить, и материал был интересным. У отца тексты живые получались, не казенные.

— **Вам что-то о войне отец рассказывал?**

— Мало. Я знаю из его биографии, что училище железнодорожных войск он закончил по фронтовому циклу в 44-м в Ярославле, куда перевели его еще в начале войны из Ленинграда. Получил назначение командиром мостового взвода. В конце сентября, как и тысячи других младших лейтенантов, прибыл к месту проведения будущей Кенигсбергской операции. Мы с супругой нашли информацию, что бойцы отдельной бригады железнодорожных войск были брошены на перешивку путей с европейской колеи на советскую — 1524 мм. Отец рассказывал: немцы приваривали к коробчатым железным шпалам рельсы. Обычно рельс через костыль и подкладку крепится к деревянной шпале. А это были такие — на века — сооружения. Под обстрелом, под угрозой нападения врага надо было выполнить задание. Ведь фронт останавливается без железной дороги: нет орудий, танков, горючего, шинелей, патронов, снарядов... И была жесткая резолюция Маршала Г. К. Жукова на докладе о том, что необходимо обеспечить подвозку войск и боеприпасов к проведению операции. Один из примеров ратного труда воинов-железнодорожников — резолюция того же Маршала Советского Союза Г. К. Жукова на докладе об обеспечении бесперебойного подвоза всего того, что нужно фронту, в дни битвы за Берлин. Он написал: «Молодцы!» Это слово, начертанное рукой прославленного полководца, стало еще одной высокой оценкой вклада железнодорожников в успехи на фронте.

— **А мама Ваша хорошо войну помнит?**

— Да, она ведь родилась в 1927-м. Ее мама, бабушка моя, затолкала дочурку буквально в последний эшелон, который уходил из Смоленска. Девочка со своей тетей Людмилой успели переехать мост через Днепр. И уже на том берегу, мама рассказывала, был высажен десант. Она помнит даже лица немцев, которые шли по ржаному полю вдоль насыпи, когда поезд остановили гитлеровцы. Рассказывала: «Мы с тетей Людой спрятались в кювете. Мимо нас шел немец. Посмотрел. У него руки были на автомате. Закатаны рукава. Посмотрел — и пошел дальше». То есть могла жизнь тогда и закончиться. В один момент. А бабушка моя — удивительной была. Советский руководитель, фармацевт. В послевоенные годы была заведующей аптекоуправлением Смоленского облисполкома. В 1951-м получила орден Трудового Красного Знамени. Как видите, в жизни было мне на кого равняться.

**«Вчера — это история, завтра — это тайна.
Сегодня — это подарок».**

Неизвестный автор

— **Не сомневаемся, Дмитрий Федорович: Вы как человек проницательный, к тому же и психолог, понимаете, что значит жить в сегодняшнем дне. Ценить то, что имеешь. И, тем не менее, расскажите о самом ярком периоде своей жизни, к которому Вы возвращаетесь в мыслях. Возможно, это не связано с карьерой...**

— Видимо, дело тут не в психологии, а в складе моего характера, в воспитании, в понимании некоторых важных вещей. (В 1998 году Дмитрий Мезенцев защитил в Санкт-Петербургском госуниверситете кандидатскую диссертацию «Психология влияния средств массовой информации на формирование политических установок личности». — Авт.). Конечно же, я стремлюсь ценить то, что есть сегодня.

С годами, замечая, все выше оцениваешь людей, которые с тобой рядом. Очень рад, например, что маме позвонить могу в любое время. Дорожу высоким доверием людей. Дорожу отношениями со многими-многими людьми. Ценю вполне «стандартные наборы» вещей вокруг себя. Потому как знаю: сегодня они есть, а потом их может и не быть. И ситуация с COVID-19, которая «вымыла» из нашей обыденной привычной жизни многое из того, на что не обращали внимания и что ценным не считали — тому подтверждение.

— **Мудрые люди говорят: сегодняшний день — самый важный в жизни. Потому как прошлого уже нет, а будущее, завтра еще не настало...**

— С мудрецами не поспоришь! Но давайте уточним. И завтрашним днем нужно жить, думать о нем — иначе будущее не станет таким, каким его хотелось бы видеть.

Что касается самых ярких периодов... Очень сложный вопрос. Их немало. Мгновения ленинградского детства очень яркие. Тот период, когда мы семьей жили вчетвером. Как яркий эпизод — случай, когда мы с другом попали в ловушку в Парке авиаторов, сидели внутри самолетной кабины, не могли оттуда выбраться. Отец, слава Богу, потом нас нашел и оттуда вытащил. Вот теперь мы остались только с мамой... Кстати, мама по-прежнему живет в той скромной, сугубо смежной двухкомнатной хрущевской квартире на Кузнецовской улице, дом 16. Помнится, как брат, учась в Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского, обязан был, делая курсовые работы, представлять преподавателям немалое количество чертежей на больших ватманских листах, и удобнее всего это было делать в маленькой ванной комнате, которую он тогда превращал в свой кабинет. В таких условиях — стесненно и небогато — жили миллионы людей. Это не считалось ни героизмом, ни испытанием...

И потом, уже в зрелой жизни, много всего интересного было. Скажем, как мы с супругой в Иркутске три года жили. И в Пекине — три года... В начале 90-х я совершенно не думал о том, что буду работать и жить в Москве. А наша история знакомства с супругой, и наше венчание... *(Предлагает Евгению рассказать об этом).*

Евгения Евгеньевна: — Уже много лет прошло... Как-то в августовский день приехали в Санкт-Петербург провести родителей — Веру Михайловну и Фёдора Дмитриевича. Супруг выразил желание навестить отца Богдана (Сойко) — это

авторитетнейший настоятель Николо-Богоявленского морского собора в Санкт-Петербурге. Храм очень красивый, светлый. Дмитрий Федорович зашел во флигель, где у священника кабинет. Раньше отец Богдан работал в кабинете под самым куполом собора. Дмитрий Федорович помнит: когда отец Богдан его крестил в конце 90-х, он тогда еще поднимался под самую «маковку», выше верхнего храма... Так вот, супруг зашел к отцу Богдану, а я осталась в холле. Вскоре отец Богдан вышел, посмотрел внимательно на меня своим пронзительным взглядом, помолчал немного. Потом сказал: «Суженая, заходи!» Мы сели за стол. Сидим немного растерянные. Молчим, а настоятель, рассуждая, говорит: «На ближайшие выходные нельзя, потом пост заканчивается. Вот смотрите». И то ли календарь показывает, то ли ручкой чертит: вот эти выходные, вот эти. Какой, спрашивает, мы выбираем день венчания? Мы недоумеваем: какое венчание? «Сентябрь, — повторяет, — эти выходные либо эти... Какой день?» Мы переглянулись, говорим: вот этот. Оставался месяц. И венчание состоялось в день Рождества Пресвятой Богородицы в Николо-Богоявленском морском соборе. Венчал нас отец Богдан.

Дмитрий Федорович: — Много позднее нам в Иркутск довелось ехать по службе. Понятно, что край там суровый и в климатическом плане, и по набору забот, которыми живет регион. Женя, что мне очень приятно, ни минуты не колебалась. С первого дня. Все расспрашивали: приедет ли жена? Как и в Минске, кстати. Но здесь другая ситуация.

Как там работали? Вот один из примеров. Утром занимаешься борьбой с паводками — реки вскрываются там достаточно поздно, и нужно чернить лед, взрывать, обеспечивать безопасность сел, чтобы не подтопило дороги, дома, школы... А с обеда того же дня занимаешься вместе с сотнями людей борьбой с лесными пожарами. Область огромная, протяженность с севера на юг — две с половиной тысячи километров.

— **Сибирь Вас закалила?**

— Армия закалила прежде всего. И служба в газете, Ленсовет и мэрия, и работа в Москве. У меня была мальчишеская мечта: хотел стать корреспондентом «Красной Звезды» — легендарной прославленной военной газеты, тираж которой в свое время превышал 3 миллиона экземпляров в день. Сказать, что мечтал дослужиться до генерала, не могу, но видел для себя журналистскую судьбу, которая дарит общение с сотнями людей, возможность рассказывать о них, о событиях, о делах своей страны.

— **В принципе, у Вас получилось...**

— Но не в «Красной Звезде» (улыбается).

— **Как в Москву переехали? Вместе с Владимиром Владимировичем Путиным?**

— В марте 1996-го Распоряжением Правительства РФ был назначен заместителем председателя Госкомитета России по печати. Еще в 1995 году предложение поработать в Москве поступило от главы ведомства — человека очень яркой профессиональной судьбы Ивана Дмитриевича Лаптева — в свое время редактора «Известий», спикера Совета Союза, первого заместителя главного редактора «Правды». Сутки

Евгения Фролова вместе с супругом на фестивале «В Беларуси как дома 2.0», приуроченном ко Дню вышиванки. Рядом с Дмитрием Мезенцевым — Владимир Макей, Министр иностранных дел Беларуси. Справа от Посла актриса Вера Полякова, супруга Министра.

Мне повезло — у меня в Москве родня большая. Там жила тетюшка моя, Анастасия Дмитриевна, сводная сестра отца, у которой 10 детей. Все москвичи, состоявшиеся, с высшим образованием. Мы в 96-м отмечали ее 90-летие, и всех нас, родных по крови, собралось 100 человек. 10 детей, 28 внуков, 17 правнуков, потом племянники.

я ходил по московским улицам и обдумывал предложение. Помню, он сказал мне: «Для тебя главный сейчас вопрос в том, остаешься ли ты в Питере, или, что принципиально — переезжаешь в Москву». Он был прав: жизнь моя полностью перестроилась. У меня два года в Москве не было квартиры. Жил у сестры на проспекте маршала Жукова. Я думал, что у нас в Ленинграде маленькая квартира, а у нее — еще меньше: так называемая брежневка. Я жил в 6-метровой комнате...

Анастасия Дмитриевна, помню, в 92 года еще гимнастику делала. Как-то мне сказала: «Дима, племянничек дорогой, Господь дал мне 7 парней и 3 девчонки. И живу! А дал бы 7 девок и 3 парня — умерла б давно. (Смеется). Они все очень дружные. Когда отец учился еще в Москве, она выступала в Большом театре на торжественном собрании, посвященном Дню международной солидарности трудящихся женщин, с трансляцией на весь Советский Союз. Как мать-героиня. Текст выступления готовил отец, а курировали подготовку к торжеству в аппарате министра культуры СССР Е. А. Фурцевой. И вот тогда, выйдя на трибуну, тетюшка отложила выступление и своими словами говорила о своей судьбе, о роли женщины в советском обществе. Отец был очень горд за свою Настю.

«В середине каждой трудности лежит возможность».

Альберт Эйнштейн

— Конечно же, афоризм такой мы взяли, чтобы Вы поделились с читателями журнала мыслями о перспективах сотрудничества братских народов — белорусского и российского. Что, на Ваш взгляд, будет самым оптимальным на сегодняшний день, чтобы разрешались существующие противоречия? Терпение? Стремление к миру? Любви? Пам'ятать обо всем лучшем, что наши народы объединяет?

— Вопросы о том, как будут жить, развиваться, сотрудничать наши народы, какое будущее у них, стали уже привычными. Если смотреть на прежнюю нашу историю и на день завтрашний, то такие вопросы должны быть уже не поводом к раздумьям, поискам ответов, а давно решенными, риторическими. А если не стали таковыми, значит, мы должны для того сделать много больше, чем сделали. Есть и взаимные экономические выгоды, есть и уверенность, что мы не можем, не имеем права потерять часть нашей общей истории. А если говорить о России, то заметьте, как порой Президент Беларуси говорит: наша Калининградская область, наш Татарстан, наша Чечня, наше Приморье... Правильно говорит! Для белоруса, живущего в Гродненской области, на Минщине, по-моему, очень важно себя ощущать гражданином Союзного государства, у которого западная граница у Бреста, а восточная — в Приморье и на Камчатке. Об этом мы зачастую не умеем сказать.

— Так все-таки, Дмитрий Федорович: что, на Ваш взгляд, мешает тому, чтобы ощущение большой Родины было и у белорусов? Чтобы не ощущали мы себя чужими, «второсортными» на огромных территориях, образно говоря, от Смоленска до Приморья?

— В России в абсолютном большинстве нет людей, которые могут подумать, что белорусы для россиян «чужие». Это не газетная фраза — это мое убеждение. Есть люди, которые могут спорить по формам экономического взаимодействия, по модели сотрудничества, по объему преференций... Они, конечно, есть, и с обеих сторон. Но в гуманитарном плане, я думаю, здесь нет предмета спора. Есть опасность недооценить масштаб тысяч связей, сложившихся на протяжении столь многих лет, в полной мере. А мешают тем ощущениям, о которых Вы говорите, «болезни роста» самостоятельных независимых государств. Если мы еще спорим, то, значит, нам не удалось пока найти ту — наилучшую — модель сотрудничества, открытости, товарищества, взаимовыручки, полного доверия, которая всех удовлетворит в полном объеме и исключит подобные споры. Такую схему отношений трудно найти даже за почти три десятка лет с тех пор, когда мы все жили в одном Отечестве. Но есть такая форма взаимодействия, которую я представлял в рамках ШОС. Разные страны в эту Организацию входят: от полуторамиллиардного Китая до стран гораздо меньших по территории, по населению, масштабу экономики. Но мы в ШОС всегда говорили, что есть единство в подходах с учетом равенства. Если размер флага одинаков, если прописаны права любой из стран вне зависимости от масштаба экономики, золотовалютных резервов, числа граждан, то, значит, и надо относиться друг к другу на равных. Да, здесь есть нюансы, и они всегда будут. Но и к себе, и к партнеру надо предъявлять одинаковые требования. Не выборочно, когда более выгодно трактовать их сегодня так, а в «следующий понедельник» чуть по-другому. Однажды выбрав эту модель, ни разу от нее не отступать. Если нам это удастся, тогда ни стратегических споров, ни оперативных быть уже не должно. Потому что чем ближе мы друг к другу, тем безопаснее жизнь граждан, региона, жизнь Союзного государства, а значит, и выше его совместная «конкурентоспособность». Как известно, любой тактический спор характеризует скорость его разрешения. И в этой скорости мы должны существенно прибавить.

— В том числе, используя потенциал Союзного государства.

— Конечно, повторюсь, потенциал Союзного государства огромен! Актуальны вопросы экономической интеграции. При сохранении безусловной независимости, суверенитета каждой из стран. Но экономическая интеграция может иметь большую глубину. И характер, и дух, и стиль большого партнерства, иной глубины взаимодействия. И за это пусть стороны выступают активнее, наступательнее. И в нынешней должности я обязан и стремлюсь делать возможное. Так поступают все сотрудники Посольства и Торгпредства, но главное, тысячи и тысячи людей, причастных к огромной и особо значимой системе наших двусторонних отношений. Безусловно, какие-то «вещи» мы имеем право оценивать по-разному. И этого никто не запрещает. Просто надо, в чем убежден, имея разногласия, переговорив, понять: кто в чем трактует одну и ту же ситуацию по-разному. Не хуже, и не лучше, чем ты сам — по-разному. И уже тогда идти

навстречу партнеру. При этом просить, а иногда и добиваться, чтобы были услышаны и твои аргументы, твоя позиция и подходы.

«Как я могу радоваться жизни, когда кругом одни проблемы?»

«Пойми: жизнь дана не для того, чтобы ждать, когда стихнет ливень. Она для того дана, чтобы научиться танцевать под дождем».

Омар Хайям, персидский философ, математик, астроном, поэт

— В декабре 2019-го Союзному государству исполнилось 20 лет. Что дал Союз гражданам наших стран, с Вашей точки зрения? Какие из проблем в нашем взаимодействии, на Ваш взгляд, стоят наиболее остро? И нужно ли что-то менять и дополнять в Договоре 20-летней давности? Образно выражаясь: научились ли два народа «танцевать под дождем», или только учатся? И что, по-вашему, нужно делать, чтобы наше прошлое и настоящее оставалось общим достоянием будущих поколений?

— Два народа доказали, что возможно жить в одном Отечестве и в одной семье. Теперь о том времени редко говорят, но было же такое понятие: братская семья советских народов. Стоит также помнить, что до Октябрьской революции на территории Беларуси было немало примеров, когда царская столица уделяла внимание развитию национальных традиций, национальной культуры, поддерживала их. Они развивались, становились богаче на белорусской земле. На мой взгляд, чуть меньше нам следует говорить о том, что нам мешает, а начинать принципиально больше говорить о том, что нам должно помогать. Мы видим успешную многовекторную политику Беларуси в системе отношений с европейскими государствами, со странами так называемой «дальней дуги». Из Минска хорошо видно, что Россия сегодня старается предельно открыто вести и расширять диалог, формат сотрудничества с десятками государств, международных объединений и организаций. Придерживается последовательной заинтересованности в упрочении диалога даже по тем вопросам, который с некоторыми нашими партнерами вести трудно. И уж давно замечено не только нами: российско-белорусские «дискуссии» делают нас слабее. К тому же извне это множит число вопросов к россиянам и белорусам. Поняв это, прочувствовав и согласившись с этим, мы многие вещи будем решать и осмысливать по-другому. Согласны — есть свои геополитические интересы у ведущих мировых игроков. Какие они, мы не всегда определенно знаем. Но вот Збигнев Бжезинский, в свое время — помощник Президента США по вопросам нацбезопасности, к слову, этнический поляк, в начале 90-х годов написал книгу «Великая шахматная доска». Уже на первых ее страницах писал: «Наша задача — оторвать от России Украину и Беларусь, а следующим этапом — страны Центральной Азии». При этом он отмечает, что отрыв балтийских государств уже произошел. И далее пишет: если мы это сделаем, то угроза целостности — в будущем — российского государства будет очевидна. Более прямолинейной и циничной формулы, представленной в открытой печати, редко где найдешь. Может быть и не надо — в обыденной жизни — глубоко погружаться в изучение подобного рода изданий, но, полагаю, стоит прочитать хотя бы первые десять страниц этого политического бестселлера... Убедиться, что число друзей у славянских народов, исконно живущих на землях России и Беларуси, не так велико, как нам кажется. И очень важно, выстраивая

новые отношения и укрепляя старые, не обмануться. Потому что цена обмана будет непостижимо велика.

— Что ж, Вам остается только найти в Минске то дерево, которое растет тремя стволами из одного корня. А его ведь можно понимать как символ прежнего единства народов Беларуси, России, Украины...

— Я знаю о том дереве, повторяюсь, благодаря маме. А о былом единстве трех народов мы все знаем из нашей истории — благодаря памяти предков и нашему с вами личному опыту. Общий вклад белорусов, русских, украинцев, других народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне могут оспаривать только глубоко непорядочные люди, знающие правду о подвиге советского народа, но сегодня все более не желающие с этим соглашаться.

Поэтому дай Бог нам всем здоровья, чтобы пережить сегодняшнюю великую беду (коронавирус), постигшую мировое сообщество, которая заставляет нас уже сегодня думать, каким будет мир, система наших отношений после

Дмитрий Мезенцев и Министр энергетики Виктор Каранкевич. На выставке «Энергетика. Экология. Энергосбережение. Электро», которая проходила во время Белорусского энергетического и экологического форума с 8 по 11 октября 2019 г.

пандемии. Множатся угрозы — как негативные социально-экономические последствия от преодоления COVID-19 — для миллионов людей, национальных экономик, систем безопасности. А в какой-то степени — для сохранения привычного стандарта жизни. Для сохранения экономической независимости и степеней свободы для тех государств, которые не относятся к небольшой группе держав — мировых лидеров. И нам как братьям должно достать спокойствия, выдержки и мудрости, уважения друг к другу, чтобы уже сегодня понимать: мир становится жестче. И число опасностей, в том числе для нашего Союзного государства, к сожалению, не уменьшается.

— Дружить — это важно не просто для взаимной выгоды, но и выживания...

— Важно ценить систему взаимной поддержки, взаимных выгод, сотрудничество Беларуси и России, областей Республики и субъектов Федерации. Не всегда мы отражаем, что масштаб взаимной торговли по-настоящему значим для сторон. Не хочу вас «нагружать» цифрами, характеризующими объемы и структуру взаимных поставок, но это примеры взаимовыгодных отношений в экономической, финансовой, про-

изводственной сфере, которые органично вписаны в масштабную систему двусторонних отношений. Мы видим примеры успешной кооперации в рамках технологических цепочек. Посмотрим на Свердловскую область, откуда в Республику приходит больше товаров, чем получают уральцы. Есть другие примеры, когда белорусы поставляют в российский регион больше товаров, чем получают оттуда. Но в целом картина сбалансированная, хотя предстоит сделать еще немало шагов для оптимизации практики взаимной торговли, как и поддержки национальных производителей наших стран. Этому и призваны помочь дорожные карты, программы действий по реализации Союзного договора. Завершение работы над их согласованием позволит выйти на единый рынок нефти и газа, на реализацию единых подходов в проведении промышленной, технологической, налоговой политики, сделать взаимодействие парламентариев по гармонизации законодательства двух стран реальным. Под руководством Председателя Совета Федерации Валентины Ивановны Матвиенко и Председателя

системе отношений. Мы должны более избегать этого. И такие подходы надо укреплять.

— *Мы думаем, что опыт сотрудничества сохранится и расширится. Следует, действительно, быть бережливыми по отношению друг к другу. В том числе и журналистам — в освещении событий, особенностей жизни в наших странах. Ибо, как поется в известной песне питерского барда Александра Дольского, «меньше всего любви достается нашим самым любимым людям».*

— Что ж, давайте вместе будем помогать и способствовать тому, чтобы реальная дружба между нашими народами укреплялась. И журналистов давайте будем просить: больше писать об этом! Значим буквально каждый дружеский шаг, который делают государства, партнеры, союзники навстречу друг другу, также и в период борьбы с коронавирусом.

«Мой мозг только приемное устройство. В космическом пространстве существует некое ядро, откуда мы черпаем знания, силы, вдохновение. Я не проник в тайны этого ядра, но знаю, что оно существует».

Никола Тесла, ученый-физик, изобретатель

— *Какого проникновения в тайны мироздания ожидаете от сотрудничества наших стран в сфере космической?*

— Скажу по поводу космоса. Недавно в рамках визита Генерального директора ГК «Роскосмос» Дмитрия Олеговича Рогозина в Минск мы побывали на одном из крупных высокотехнологичных производств, которое работает на совместные российско-белорусские программы освоения космоса. Один из белорусских руководителей сказал: «Вы знаете, сегодня мы, не укоряя россиян, продвинулись — в нашей специализации — в этой сфере дальше». И отвечая ему, я сказал: «На это не надо обижаться! Опора на опыт друг друга обязана делать нас сильнее». Давайте любого юного гражданина Беларуси, встреченного нами, скажем, на проспекте Машерова, спросим: что он знает о совместных российско-белорусских исследованиях в сфере космоса? 8 из 10, полагаю, затруднятся с ответом. А по поводу споров о ценах на нефть и газ, возможно, вспомнит каждый второй. Нам нужно уходить от этого несбалансированного, неверного, неточного формата представлений друг о друге, и тогда угрозы развитию и углублению наших отношений будет значительно меньше.

«Правда — слишком дорогой продукт, чтобы употреблять его в чистом виде».

Михаил Веллер, русский писатель

— *Что, как дипломат, Вы могли бы сказать по этому поводу?*

— Когда берешь конфету из коробки, а она без фантика, — обязательно следы шоколада остаются на руках. Поэту лучше есть конфеты фабрики «Коммунарка» в фантиках, в упаковке. Кстати, белорусский шоколад этой фабрики очень качественный! Причем ассортимент тоже впечатляет.

А если всерьез, то правды, товарищества, доверия в братских отношениях никогда не может быть слишком много. Именно это отличает подлинное союзничество, которое нельзя измерить кубометрами, тоннами, деньгами. Это то, что нельзя променять в угоду конъюнктуре сегодняшнего дня, обманувшись политическими миражами.

Беседовали Иван и Валентина Ждановичи

Дмитрий Мезенцев, Министр информации Беларуси Александр Карлюкевич и временный поверенный в делах США в Беларуси Дженифер Мур во время открытия XXVII Минской международной книжной выставки-ярмарки

Совета Республики Михаила Владимировича Мясникова в прошлом году прошел Форум регионов Беларуси и России.

— *Наш журнал давал целый блок материалов к этому событию...*

— Тогда в Санкт-Петербурге было подписано контрактов на полмиллиарда долларов. И давайте прикинем: много ли у Беларуси, да и у нас партнеров, которые подтверждают систему международного экономического взаимодействия такими суммами и такими объемами — и в региональном формате, и в рамках Союзного государства, определяют стабильный горизонт планирования на ближайшие годы?

И это тоже важно ценить. Еще раз скажу: мы не всегда умеем донести до людей эти примеры реальной взаимной поддержки и выгоды. А говорить об этом надо очень тактично, выверенно. Только гарантируя справедливость оценок помощи и поддержки, которая оказывается. И никаких «выговоров» никому при этом не может быть! Ну как можно, к примеру, обижаться на собственный родной дом? Как можно обижаться на ту землю, где ты вырос, которая дала тебе жизнь? «Формат обиды» — это не фундамент для конструктивного диалога. Уж тем более в межгосударственной